

Кьеркегор Серен

Несчастнейший
Вдохновенное обращение

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Серен К.**
Несчастнейший: Вдохновенное обращение / Кьеркегор Серен – М.: Книга по Требованию,
2023. – 51 с.

ISBN 978-5-519-92074-2

ISBN 978-5-519-92074-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ветхозавѣтныхъ идеяхъ былъ воспитанъ и терзался Сёрень Киркегоръ.

Чтобы понять Сёрена Киркегора, какъ писателя, необходимо имѣть въ виду двѣ боровшихся въ немъ силы. Онъ хотѣлъ дать своимъ мыслямъ и своему воображенію свободный исходъ и въ то же время—жить исключительно въ самомъ себѣ, теряясь въ сумракъ и строгости, въ которыхъ онъ родился и былъ воспитанъ преданіями своего рода.

II.

Самъ Киркегоръ въ извѣстную пору своей жизни—въ концѣ перваго большого періода своей литературной дѣятельности (1843—1846), къ которому относятся какъ его эстетическія и философскія, такъ и первыя религіозныя сочиненія—самъ Киркегоръ чувствовалъ потребность въ синтетической точкѣ зрѣнія, съ которой можно было бы разсматривать всѣ эти разнообразныя творенія. Онъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что за этими работами, написанными, пожалуй, съ бѣльшей поспѣшностью и бѣльшимъ воодушевленіемъ, чѣмъ могло вынести его здоровье, скрывалась нѣкая общая мысль, какъ еслибы все было написано съ сознательной и опредѣленной цѣлью. Его очень прельщала мысль, что съ самаго начала онъ имѣлъ въ виду сознательную цѣль въ своей работѣ, но онъ очень боялся приписать себѣ подобное намѣреніе.

Его дневникъ отъ 1849 г. доказываетъ, какъ онъ былъ неувѣренъ въ этой своей цѣли. Его дневники—монологи, которые онъ произносилъ, бродя взадъ и впередъ по своимъ комнатамъ и то и дѣло останавливаясь у письменнаго стола, чтобы записать мысль. Онъ никогда не высказывалъ своихъ завѣтныхъ мыслей другимъ, и его разговоръ вообще былъ пересыпанъ шутками и насмѣшками. Впрочемъ, это относится лишь къ тѣмъ случаямъ, когда не нужно было утѣ-

шать; потому что въ дѣлѣ утѣшенія, по свидѣтельству многихъ, онъ былъ мастеръ—мастеръ въ умѣніи открывать невольные источники страданія и унынія, лѣчить и исцѣлять которыя ему удавалось, какъ никому.

Прежде чѣмъ привести основанія, мѣшавшія Киркегору приписать себѣ сознательную цѣль въ своихъ литературныхъ работахъ, я хочу дать понятіе о нихъ.

Первыя надѣлали шума его *поэтическія сочиненія*. Наиболѣе значительныя изъ нихъ:—„Или—Или“ и „Этапы на жизненномъ пути“. Въ поэтической формѣ онъ изображаютъ различныя основныя представленія о жизни въ ихъ взаимной противоположности. Для Киркегора „остановка“ или „этапъ“ не есть періодъ жизни, слѣдующій за другимъ въ силу естественнаго закона развитія. Нѣтъ, каждый этапъ изображенъ столь рѣзко очерченнымъ и замкнутымъ, что отъ одной стадіи къ другой можно перейти лишь непостижимымъ скачкомъ, путемъ выбора, совершенно лишеннаго психологическихъ предуказаній. Киркегоръ описываетъ три такихъ воззрѣнія на жизнь. Для *эстетики* наслажденіе мгновеніемъ—все. Вершина заключается въ обладаніи такой способностью и гибкостью, чтобы схватывать на лету всякое отдѣльное мгновеніе, причемъ наслажденіе не позволяетъ намъ ни быть связанными, ни останавливаться, сохраняя способность съ тою же свободою отдаваться каждому слѣдующему мгновенію. Прихотливо витать надъ жизнью и надо всѣмъ, что къ ней относится, таковъ этотъ взглядъ на жизнь. Напротивъ, *этический* взглядъ на жизнь требуетъ неусыпнаго труда: борьбы, побѣды, вѣры въ теченіе времени, чтобы такимъ путемъ установить внутреннюю связь между отдѣльными моментами бытія. Характеристика его—бракъ, какъ противоположность мимолетной любви,—призваніе, какъ противоположность случайному спѣшному занятію. „Эстетическій человѣкъ“ живетъ во мгновеніи; „этический“ человѣкъ

вѣренъ долгому періоду; но „религіозный человѣкъ“ живетъ во враждебномъ отношеніи между временнымъ и вѣчностью. Цѣль его—вѣчность, она—обитель его истиннаго я; онъ живетъ во времени, какъ въ чемъ-то посредственномъ, пребывающемъ въ разладѣ съ его истиннымъ я, какъ рыба внѣ воды. И чѣмъ рѣзче контрастъ между временнымъ и вѣчностью, тѣмъ выше религіозная форма.

Самое значительное изъ своихъ *философскихъ сочиненій* Киркегоръ озаглавилъ: „Не научнымъ послѣсловіемъ“. Вѣ этихъ сочиненіяхъ дано болѣе обоснованное развитіе соотношеній между различными взглядами на жизнь, которые, въ поэтическихъ трудахъ, были изложены въ видѣ типичныхъ примѣровъ. Кромѣ того, съ ѣдкостью и сарказмомъ, Киркегоръ подвергалъ въ нихъ критикѣ спекулятивное богословіе, развивая теорію познанія въ духѣ критической философіи. Онъ настаиваетъ на затрудненіяхъ и ограниченности науки. Опытъ открываетъ контрасты, которые не легко сливаются въ гармонію, какъ думаетъ романтическое умозрѣніе. Прежде всего: жизнь продолжается во времени, черезъ время и его неувѣренность! Чтобы понять, необходимо оглядываться *назадъ*, тогда какъ задача жизни лежитъ *впередѣ*. Мы постигаемъ прошлое, но живемъ для будущаго. Въ виду этого жизнь требуетъ гораздо больше вѣры и надежды, чѣмъ можетъ обезпечить ихъ наука. Такимъ образомъ, наше сродство съ временемъ предъ-являетъ наиболѣе великія проблемы какъ къ жизни, такъ и къ мысли.

Религіозныя сочиненія, которымъ Киркегоръ придавалъ огромное значеніе, начались одновременно съ его эстетическимъ творчествомъ. Онѣ состоятъ изъ извѣстнаго числа „религіозныхъ обращеній“ къ существу, „богатому чувствомъ“, порою слишкомъ богатому созерцаніемъ. Съ самаго начала, Киркегоръ указываетъ на искренность, какъ на безусловную точку отправленія; личныя чувства и

страсть въ религіозномъ отношеніи важнѣе, чѣмъ объективная преданность вѣрѣ. Язычникъ, говоритъ онъ, съ осязательнымъ жаромъ молящійся своему идолу, воистину молится Богу Единому; тогда какъ тотъ, кто молится истинному Богу поверхностно и безлично, воистину молится идолу. Единственный путь къ Богу—алканіе, рвущееся къ нему изъ страха отчужденія. Богъ—средство личной защиты, а не объектъ умозрѣнія. Противоположность Киркегора противникамъ Христіанства, въ особенности Людвигу Фейербаху, заключается въ слѣдующемъ: онъ думаетъ, что они правы по отношенію къ богословію и къ церкви, но не передъ лицомъ „Евангелія Библіи“, потому что онъ считаетъ ихъ изображеніе Христіанства часто болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ изображеніе ортодоксальныхъ богослововъ.

Невозможно разсматривать всѣ эти три группы сочиненій отдѣльно. Это—три одновременно возникшихъ теченія, то разъединенныхъ, то слитыхъ. Въ позднѣйшемъ творествѣ Киркегора—послѣ 1846 г.—два предыдущихъ теченія исчезаютъ, и, начиная съ этого времени, религія становится единственнымъ средоточіемъ, куда тяготѣетъ его душа. Въ ту пору онъ самъ былъ схваченъ глубочайшими религіозными переживаниями и любилъ говорить про себя, что стоялъ „въ вѣрѣ въ самомъ глубокомъ значеніи слова“. Потомъ, оглядываясь назадъ, на свое творчество во всемъ его разнообразіи, онъ находилъ, что, отъ начала до конца, оно было направлено къ единственной цѣли: учить людей своего времени познанію самихъ себя, истинному взгляду на жизнь, учить ихъ рѣшаться на энергичное „одно изъ двухъ“—или принадлежать къ болѣе высокому міру, или же чистосердечно признать свою отдаленность отъ него. И тогда-то у него появились сомнѣнія и сложные доводы за и противъ. Онъ не могъ, не кривя душою, провозгласить, что желалъ этого съ самаго начала. И стоитъ оста-

новиться немного на причинахъ этого колебанія, такъ какъ онѣ бросають свѣтъ на самыя завѣтныя мысли Киркегора.

III.

Киркегоръ былъ настолько психологъ, чтобы понимать, что большая поэтическая и умственная работа не можетъ быть выполнена сознательно съ опредѣленною цѣлью, если эта цѣль не въ ней самой. И, оглядываясь назадъ, онъ открылъ въ своемъ творествѣ нѣчто, независящее отъ него: нѣкое начало, которое онъ безъ колебаній назвалъ геніемъ. „Геній, по существу своему, безсознателенъ—онъ не представляетъ доводовъ“. Значеніе работы, выполненной безъ малѣйшаго усилія сознательной воли, станетъ очевидно лишь впослѣдствіи. Необходимо еще разъ цитировать Киркегора: мы постигаемъ прошлое, но живемъ для будущаго. Послѣднее относится главнымъ образомъ къ геніямъ—созидателямъ. И творческій инстинктъ часто былъ такъ силенъ въ немъ, что грозилъ надорвать его, разрушить его тѣло и душу. Ему пришлось смириться и настолько преодолѣть свое желаніе писать, чтобы работать всего нѣсколько часовъ въ день.

Съ другой стороны, онъ никогда не дерзалъ смотрѣть на себя, какъ на избранное Богомъ орудіе, которое, безъ собственнаго вѣдома, трудилось на пользу религіи, хотя онъ и чувствовалъ, что религія глубже захватываетъ его, чѣмъ литература или философія. Къ этому нужно прибавить, что съ самаго начала онъ смотрѣлъ на свое литературное творчество, какъ на временное, какъ на средство дать выходъ своей литературной алчности до наступленія его практической дѣятельности въ качествѣ пастора, и что впослѣдствіи онъ часто готовъ былъ отречься отъ него; но частью жажда выражать свое я, частью внѣшнія обстоятельства заставили его продолжать.

По поводу этихъ обстоятельствъ онъ говорилъ: „Воз-

бужденіе дѣйствительной жизни прибавило новую струну къ моему инструменту“. Это возбужденіе возникло впервые, благодаря нападкамъ на него сатирическаго журнала *Корсаръ*. Его глубоко задѣло то обстоятельство, что какъ его разсудокъ, такъ и его тѣло были представлены въ каррикатурномъ видѣ. Въ тѣ времена люди еще не привыкли къ подобнаго рода вещамъ, а Киркегоръ въ этомъ отношеніи былъ особенно чувствителенъ. Смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ трудно видѣть, какъ въ своемъ дневникѣ, въ своемъ глубоко одиночествѣ, онъ терзается этимъ и какъ бы старается доказать, что карриатура, гдѣ одна половина его брюкъ была короче другой,—безсмыслица. Но въ этихъ нападкахъ Киркегоръ видѣлъ не одно личное оскорбленіе, но и національное преступленіе, такъ какъ вліятельные члены общества не протестовали. И онъ не могъ и не хотѣлъ оставлять свою дѣятельность и вернуться къ равнинамъ Ютландіи, ибо это значило бы отступать передъ низкими нападками. Другая струна прибавилась къ его инструменту, благодаря отношенію къ его дѣятельности господствующей церкви, въ особенности же къ той возрастающей энергіи, съ какою онъ раскрывалъ различіе между Христіанствомъ первыхъ вѣковъ—Христіанствомъ Новаго Завѣта—и современнымъ Христіанствомъ, какъ оно представлено церковью. Въ то время (1849) онъ лишь требовалъ, чтобы представители государственной церкви признали это различіе и согласились, что они далеки отъ идеала, вмѣсто своего желанія дѣлать видъ, будто отъ Христіанства первыхъ вѣковъ къ—современному существуетъ безпрерывный переходъ, но не въ догмѣ (такъ какъ Киркегоръ никогда не сомнѣвался въ этомъ), а въ поведеніи, въ особенности въ отношеніи къ мірской жизни въ интересахъ цивилизаціи. Но они не пожелали допустить этого.

Они просто игнорировали его. Слѣдствіе изъ этого на- ходилось въ связи съ перемѣнами въ его личной жизни

того времени, и его религиозная дѣятельность приняла новую точку отправленія. Онъ проявилъ еще большую энергію въ области идеальнаго Христіанства и въ то же время, съ возрастающей рѣзкостью, неуклонно нападалъ на церковь, пока, наконецъ, въ послѣдніе годы жизни, не возсталъ на все существующее Христіанство, что доходило до крайности въ слѣдующихъ словахъ: „Христіанства Новаго Завѣта не существуетъ“.

Для Киркегора характерно его убѣжденіе, что его литературная дѣятельность должна остаться оторваннымъ эпизодомъ его жизни. Это—показатель глубокаго различія между его художественнымъ дарованіемъ и его темпераментомъ. Онъ чувствовалъ, что мечтательная и созерцательная жизнь, какою бы очаровательной онъ ни находилъ ее, не могла бы удовлетворить его, благодаря скрытой въ немъ непреклонной силѣ, которой онъ не могъ преодолѣть. Потребность въ литературномъ выраженіи своего я и меланхолія сливались въ глубинѣ его существа и то боролись, то вліяли другъ на друга. Это взаимодействіе даетъ намъ возможность понять Киркегора. Безъ меланхоліи и ея послѣдствій онъ, можетъ быть, сталъ бы поэтомъ, или сдѣлался бы мыслителемъ. При такомъ же положеніи вещей онъ уже не могъ посвятить себя искусству или наукѣ изъ любви къ нимъ. Ему нельзя было отыскать касательную, и ему пришлось предоставить своимъ мыслямъ и своимъ мечтамъ кружиться вокругъ центра, который вѣчно привлекалъ его. Дневники 1848—1849 гг. даютъ намъ ключъ къ внутренней жизни Киркегора.

Уныніе заставило его сосредоточить свой умъ на внутренней жизни. Скорбная душа замыкается въ себѣ самой и озабочена собою, какъ раненый своими ранами.

Въ меланхоліи всѣ мысли утрачиваютъ свое значеніе, кромѣ одной единственной мысли, представляющей надежную опору, якорь спасенія въ буряхъ жизни. Меланхолія обо-

соблюдает личность. Киркегоръ говоритъ, что онъ очень скоро убѣдился въ невозможности найти ни помощи, ни утѣшенія у другихъ. Совмѣстная жизнь была невозможна въ силу коренного различія между его отношеніемъ къ жизни и ихъ. Вотъ почему онъ порвалъ со своей невѣстой. Подлѣ счастливой дѣвушки съ ея легкомысленнымъ сердцемъ онъ впервые понялъ, какъ онъ несчастенъ. Равно какъ убѣдился, что она не могла понять его и что его склонность къ меланхолии сдѣлала бы несчастной и ее. Тому же обстоятельству онъ приписываетъ и то, что онъ никогда не занималъ officialнаго мѣста; онъ былъ невластенъ надъ своимъ собственнымъ расположеніемъ духа, а потому не могъ занять положенія, гдѣ онъ долженъ былъ зависѣть отъ другихъ.

Можетъ быть для него же было бы лучше, если бы обстоятельства принудили его добывать себѣ средства къ жизни. Необходимость закончить что-нибудь въ данный промежутокъ времени помогаетъ намъ избѣжать многихъ приступовъ подавленности и можетъ быть поддержкой въ нашей борьбѣ съ ея темнымъ и парализующимъ вліяніемъ. Кромѣ литературной работы, у него не было другой помощи для освобожденія отъ меланхолии, вліяніе которой ослабѣвало, когда всѣ его силы были поглощены творческимъ порывомъ. „Какъ принцесса въ арабскихъ ночахъ, я спасъ себѣ жизнь, рассказывая сказки, т.-е. моимъ трудомъ. Я могъ преодолѣть мою ужасающую подавленность и внутреннюю боль только тогда, когда писалъ“. (Дневникъ 1849 г.). Въ концѣ концовъ его меланхолія навела его на новыя размышленія, предъявляя ему исключительно личную проблему: подавленность есть грѣхъ или болѣзнь? не самонадѣянно ли отрицать цѣнность жизни? Самъ Киркегоръ сравнивалъ свою подавленность съ лѣнностью, средневѣковымъ опредѣленіемъ мрака и косности, однимъ изъ семи смертныхъ грѣховъ. (Данте отводитъ лѣнивцамъ мѣсто въ Аду — потому что они не наслаждались, когда солнце сладостно сверкало средь

луговъ). Въ ней былъ источникъ постоянныхъ размышлений и придумыванія сумрачныхъ возможностей.

Подъ вліяніемъ этихъ двухъ темныхъ силъ—глубокой потребности выразить себя и глубокой подавленности—возникло творчество Киркегора. Вспыхнувъ въ самой глубинѣ его существа, какъ порывъ къ полному познанію самого себя, оно стало средствомъ пробужденія и поощренія другихъ. Оно выполнило нѣкую миссію, не потому, чтобы онъ имѣлъ ее въ виду въ началѣ, а потому, что это былъ плодъ борьбы внутреннихъ переживаній человѣка, извѣдаваго противорѣчія и глубины жизни.

IV.

Какъ мыслитель, по свойствамъ своего характера, Киркегоръ могъ придавать значеніе только опыту и не довѣрялъ умозрѣнію, отвлекающему человѣка отъ превратностей и цѣлей жизни. Психологія плѣняла его и увлекала его на путь наблюденія, въ особенности потому, что у него былъ огромный талантъ къ изображенію. Этическое чувство заставило его придавать особое значеніе труду, съ его борьбой и страданіемъ въ смѣнѣ времени;—мы живемъ для будущаго: поэтому борьба и мучительное ожиданіе неминуемы для всѣхъ, кто не теряется безпечно въ мечтательномъ умозрѣніи. Его смѣлая критическая мысль привела его къ признанію не научнаго характера спекулятивнаго Богословія, въ которомъ въ то время искали разрѣшенія жизненныхъ проблемъ. Въ этихъ критическихъ и реалистическихъ взглядахъ онъ не былъ одинокъ въ Даніи, гдѣ было тяготѣніе къ замѣнѣ мистическаго созерцанія психологическимъ опытомъ и критическимъ изслѣдованіемъ и гдѣ, въ противовѣсъ романтизму, придавалось значеніе практической жизни;—тяготѣніе, въ которомъ мы, пожалуй, можемъ видѣть проявленіе національнаго характера. Это стремленіе ясно обнаружилось у такихъ людей, какъ Генрикъ Стеффенсъ, Братъя Эрстедъ, Фредерикъ Христіанъ Сиббернъ и Пауль Мёллеръ.

Несмотря на свою реакцію противъ Романтической Школы Киркегоръ безспорно принадлежалъ къ этой школѣ. Онъ даже (и это довольно странно въ личности, придававшей значеніе жизни, какъ противоположности мышленію)—онъ даже въ жизни держится въ сторонѣ, напоминая какъ романтическаго поэта, такъ и средневѣковаго аскета, или, лучше сказать, онъ находитъ, что стоитъ переживать жизнь только въ этихъ двухъ формахъ.

Я уже указывалъ, что онъ не признаетъ непрерывнаго развитія жизни. Переходъ отъ состоянія къ состоянію долженъ всегда совершаться „прыжкомъ“. Онъ рѣшительно отрицалъ существованіе какой бы то ни было аналогіи между развитіемъ личности и развитіемъ организма. И хотя въ началѣ онъ различалъ три основныхъ строя или точки зрѣнія на жизнь, но позднѣе у него всегда было стремленіе опустить второй строй. Этическая точка зрѣнія на жизнь отождествилась для него съ потребностью въ духовности, съ филистерствомъ. Возрасты, у которыхъ мы можемъ поучиться идеальному, суть: ребенокъ, юноша, дѣвушка, старикъ; у человѣка же дѣйствія, у трудолюбивой матери семейства ничему нельзя научиться въ этомъ отношеніи и почему? Потому что они преслѣдуютъ главнымъ образомъ полезныя цѣли. Въ такомъ случаѣ идеалъ былъ бы присущъ только юности и преклонному возрасту, а не возрасту зрѣлости и силы, когда борются и трудятся. Это можетъ быть справедливо только при наличности или романтическаго, или же аскетическаго представленія объ идеалѣ, или обоихъ вмѣстѣ. Здѣсь реализмъ болѣе идеалистиченъ, чѣмъ крайній идеализмъ. Поэтический и религіозный идеалъ долженъ быть найденъ въ самой дѣйствительности и въ реальномъ трудѣ, если вообще его можно найти гдѣ-нибудь. Новыя идеи должны возникать изъ дѣйствительности, какъ искры изъ кремня. Отбросьте камень и искра исчезнетъ. Въ этомъ заключается вопіющая односторонность Кегора. Это же—та сторона его ученія, за освоб-